

Каждое слово ложилось на душу неподъемным грузом. Цинь Шо казалось, будто его слух заполнил лишь мерный, приглушенный стук капающей в пещере воды, полностью заглушивший все остальные звуки.

«Так вот оно как...»

Он полагал, что сумеет взглянуть на собственное прошлое отстраненно, глазами постороннего наблюдателя. Однако сейчас, оказавшись в самом центре событий, он не мог совладать с подступающей к сердцу тоской.

Он молча опустил голову, размышляя, стоит ли эта сделка того.

Когда тишина между ними стала почти осязаемой, Лянь Чжао склонился к нему и, заглядывая снизу вверх прямо в лицо, лукаво спросил:

— Что, совершенствующийся Цинь приуныл?

Цинь Шо уткнулся лицом в согнутые локти, храня упрямое молчание.

Лянь Чжао ткнул его пальцем в плечо:

— Цинь Шо.

Ответа не последовало.

— Старший брат Цинь?

Снова молчание.

— Шо-эр...

На сей раз юноша все же не выдержал и упрямо огрызнулся:

— Не смей меня так называть!

Лянь Чжао лишь расплылся в улыбке, даже не думая раскаиваться. Он пододвинулся ближе и, словно пытаясь растопить лед, бесстыдно протянул:

— Да я же просто пошутил. Неужели ты и впрямь разозлился?

Цинь Шо демонстративно отвернулся. Его грудь тяжело вздымалась — судя по всему, продолжать этот разговор он не собирался.

— Ну и глупый же ты, веришь всему подряд, — донесся из-за спины насмешливый голос лиса.

— Сам подумай: я ведь лис. Зачем мне твоя сердечная кровь? Думаешь, я ее вместо воды пить буду?

Постоянные уловки и обманы вконец раздосадовали Цинь Шо. Он уже совершенно запутался, где у этого проходимца правда, а где ложь.

— И зачем тогда было врать? — раздраженно спросил он.

— Так ведь я же лис, а нам по природе положено хитрить и запутывать, — все так же весело отозвался Лянь Чжао. — Ты слишком торопишься. Стоит бросить наживку, как ты тут же за нее хватаешься. Что ты будешь делать, если однажды тебе встретится кто-то с по-настоящему дурными намерениями?

Услышав это, Цинь Шо внезапно осознал, к чему клонил лис, и повернулся к нему.

— Научись сохранять хладнокровие.

Лянь Чжао легонько постучал пальцем по виску:

— Прежде всего думай о том, какую цель преследует твой собеседник. Что он выиграет, если решит тебя обмануть?

— А сам-то ты? — не удержался от вопроса Цинь Шо. — Когда говоришь правду, а когда лжешь?

Лянь Чжао лишь таинственно улыбнулся в ответ. Он медленно подался вперед, щекоча бок Цинь Шо пушистым хвостом. Воздух между ними мгновенно потеплел, наполнившись дразнящей, интимной недосказанностью.

— А это секрет. Хочешь выведать его? — Лянь Чжао понизил голос до вкрадчивого шепота: — Поцелуй меня, и я во всем признаюсь...

С Цинь Шо еще никто и никогда не позволял себе вести себя столь бесстыдно. Щеки его мгновенно вспыхнули густым румянцем; вне себя от смущения и злости, он замахнулся для удара. Однако на этот раз Лянь Чжао легко перехватил его руку на лету, крепко сжав запястье. В уши юноши вновь ворвался тихий, смеющийся шепот:

— Ну вот, теперь ты понимаешь, за что колотил меня в прошлой жизни?

— Ах ты...

Заметив, что палка перегнута и юноша готов вскипеть не на шутку, Лянь Чжао тут же поспешил сменить гнев на милость. Сложив ладони в шутливом умоляющем жесте, он заговорил мягко и вкрадчиво:

— Ладно-ладно, признаю свою вину. Старший брат Цинь, ты человек великодушный, сжался над скромным бессмертным на этот раз, а?

Его реакция была настолько молниеносной, что Цинь Шо просто не нашелся с ответом. Все заготовленные гневные отповеди застряли в горле, оставив его в полнейшем замешательстве.

— Забудь... — Цинь Шо махнул рукой, не желая больше препираться.

В глубине души он понимал: пусть этот лис и был невыносимо пронырлив, никакого вреда он ему не причинил. Уж точно вел себя честнее, чем те лицемерные собраты по ордену, чьи рты сочились сладкой ложью.

— Да, есть кое-что еще, о чем мне следует тебя предупредить, — внезапно посерьезнел Лянь Чжао. — Я снял с твоих запястий Браслеты, Сковывающие Бессмертных.

Только сейчас Цинь Шо спохватился и посмотрел на свои руки. Запястья действительно были свободны, лишь на коже багровели следы от укулов ядовитых шипов.

— Как тебе это удалось? — изумился он.

— Не торопись радоваться. Снять-то я их снял, но действие яда пока не прошло. Ближайшие три дня ты все так же не сможешь управлять духовными силами.

Лянь Чжао вытащил из-за пазухи крошечный нефритовый флакон и протянул его юноше:

— Это Тайное лекарство Цинцю. Оно вернет тебе духовные силы примерно на один страж, но смотри, чтобы никто об этом не проведал. Наше племя отродясь не жаловали на Собрании бессмертных. Местные защитные барьеры слишком давят на меня, долго я здесь не продержусь. Придется уйти еще до рассвета.

Сжимая в ладони прохладный флакон, Цинь Шо почувствовал странную тоску. Стоило лису уйти, как он вновь останется наедине со своими бедами.

— Когда ты уходишь? — тихо спросил он.

Лянь Чжао легко разгадал его мысли. На губах его заиграла мягкая, теплая улыбка:

— Этой ночью. Но ты не переживай: я дождусь, пока ты уснешь.

— Кто еще тут переживает, — пробормотал Цинь Шо.

Он покрепче сжал флакон, спрятал его в складках одежд на груди и отвел взгляд:

— Мне и одному неплохо...

Внутри пещеры лунный свет постепенно таял, уступая место предутренним сумеркам. Догоравший костер обратился в кучу серого пепла, над которой тонкой струйкой вился легкий, пахнущий древесным дымом туман, приносящий странное умиротворение.

Снаружи неумолчно стрекотали цикады. Устроившись у каменного выступа, человек и лис вполголоса беседовали, коротая последние предрассветные часы.

— Цинцю далеко отсюда?

— Для совершенствующихся — нет, не слишком.

— Ты действительно знал меня раньше?

— Само собой.

— Каким же я был тогда?

— И не хорошим, и не плохим. Порой вредным, но по-своему очаровательным.

Наступило затишье. Цинь Шо повернулся и взгляделся в мерцающее во тьме огненно-рыжее пятно.

— Могу ли я... доверять тебе? — едва слышно сорвалось с его губ.

— Если тебе этого хочется, — тихо усмехнулся Лянь Чжао, но в его интонациях, вопреки обыкновению, прозвучала непривычная нежность. — Я всегда буду рядом.

Цинь Шо не ответил. Он прикрыл глаза, согретый осознанием того, что рядом кто-то есть. Это простое знание дарило удивительное чувство защищенности. Усталость навалилась свинцовым грузом, мысли затуманились, и юноша незаметно погрузился в глубокий сон.

И снова ему явились видения.

Тот же самый сон, что преследовал его прежде.

Во тьме звучал голос невидимого лиса, перед глазами колыхался пушистый алый хвост, а сам его обладатель весело и беззаботно смеялся, устроившись на покатой крыше.

— Впервые вижу такого заклинателя меча, — выговаривал он.

— И меч твой остер, и характер не сахар, — продолжал он дразниться.

— И кто только выдумал, что людям и демонам не сойтись?

— Да сдалось тебе это бессмертие? Пойдем лучше со мной, исходим весь мир вдоль и поперек!

Картина сна внезапно раскололась. Перед глазами взметнулись яростные языки пламени. Все вокруг пожирал ревущий пожар, в котором тонули полные нечеловеческой муки крики.

— Почему... почему все опять заканчивается так? — рыдал лис, припав к груди умирающего человека.

— Прошу тебя, умоляю...

Алая кровь заливала землю под ними, расплываясь ярким, жутким пятном.

— Дай мне еще один шанс!

Несмотря на то, что у него уже не осталось восьми хвостов, он, преодолевая невыносимую боль, отсек свой последний, девятый хвост.

— Верни все к самому началу, в ту, прошлую жизнь...

Огненный вихрь в одно мгновение захлестнула непроглядная тьма. Звуки стихли, и вновь воцарилась гробовая, леденящая душу тишина.

— Эй, щенок!

Едва этот окрик раздался в ушах Цинь Шо, как перед его глазами возникла чужая ладонь, сжимающая пышную паровую булочку. Тот человек помахал ею из стороны в сторону:

— А ну, гавкни! Ясно тебе сказал: лай, если жрать хочешь!

Цинь Шо не хотел открывать рта, но из его горла вопреки воле вырвался хриплый, униженный звук.

Получив заветную булочку, он даже не притронулся к ней.

Забившись в глухой угол под стеной, он тихонько глотал слезы. Капли падали прямо на хлебный мякиш, делая его горько-кислым.

Отщипнув крошечный, пропитанный солью кусочек, он торопливо проглотил его, а остальное бережно спрятал за пазуху и сломя голову бросился прочь.

На самом краю улочки сиротливо ютился полуразрушенный храм. Там его кто-то ждал.

Но сквозь плотную пелену видений откуда-то издалека пробивался настойчивый, повторяющийся зов. Кто-то упрямо окликал его по имени:

— Брат Цинь? Брат Цинь!

Цинь Шо бежал изо всех сил. Старая развалина храма виднелась совсем близко, буквально в паре шагов, но расстояние почему-то не сокращалось. В груди нарастала глухая паника — булочка в его руках остывала с каждой секундой.

А если она остынет, Юй-эр...

— Да проснись же ты!

Резкий, встревоженный окрик выдернул его из кошмара. Цинь Шо распахнул глаза и в растерянности замер, силясь сообразить, где находится. Прямо перед ним стоял Цзинь Вэйли, с которым они разминулись совсем недавно. На лице его застыло неподдельное беспокойство.

— Брат Цинь... Почему ты плачешь?

<http://bllate.org/book/20094/1998489>